

несмотря на господство кулачнаго права, и какъ скоро открыло себѣ нѣкоторые выходы, устремилось ими съ неудержимою силою“.

Одинъ изъ этихъ выходовъ представляло, по словамъ Кудрявцева, крестоносное движеніе, другимъ—была рыцарская любовь, воспѣваемая трубадурами. „Женщина вообще высоко стояла въ понятіяхъ феодальнаго общества. Идеальное воззрѣніе оторвало ее отъ общаго уровня и вдругъ подняло ее на такую высоту, что она казалась уже неземнымъ существомъ. Въ очарованіи, производимомъ ею, увидѣли какое-то магическое дѣйствіе особаго рода; чувство, ею внушаемое, казалось непринадлежащимъ къ разряду обыкновенныхъ человѣческихъ чувствъ. Любовь получила таинственный смыслъ, т.-е. перешла въ служеніе“.

Чрезвычайно поэтично описываетъ Кудрявцевъ, какъ самый образъ жизни феодальнаго общества способствовалъ этому превращенію любви къ женщинѣ въ мистическое служеніе ей, и какую роль въ этомъ отношеніи играли замки. Феодализмъ „былъ дикъ отъ природы и любилъ вить свои гнѣзда вдали отъ людей, на мало доступныхъ высотахъ“. Предоставимъ читателю узнать отъ самого автора, какъ жизнь по замкамъ повліяла на положеніе женщины, изолировала ее, вызвала, такъ сказать, тоску по ней: „въ обществѣ почувствовался недостатокъ присутствія женщины; ее искали, можетъ быть, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе находили. Недостатокъ женскаго очарованія нельзя замѣнить ничѣмъ другимъ“. Разобщеніе по замкамъ вызвало съѣзды и рыцарскіе турниры: „здѣсь женщина была не просто украшеніемъ праздника, но и царицею его. Она была верховнымъ судьей рыцарской доблести и вѣнчала ее своею одобрительною улыбкою. Къ ней приближались съ подобострастіемъ, чтобы принять изъ рукъ ея заслуженную награду, и съ тѣмъ же самымъ чувствомъ отступали назадъ“. „Дружеской короткости здѣсь не было довольно ни мѣста, ни времени. На этой степени чувство имѣло скорѣе видъ обожанія, чѣмъ любви. Разлука только увеличивала его силу и придавала ему еще болѣе мечтательный характеръ. Все идеальнѣе и идеальнѣе казалась „дама сердца“, недоступная простымъ человѣческимъ отношеніямъ, удаленная изъ круга ежедневнаго обращенія, и все больше и больше отдѣлялась она отъ земли“.

Но праздникъ кончался, и снова наступало уединеніе въ замкѣ; отрадою въ этой жизни явилась пѣснь трубадура. „Искусственная и довольно однообразная пѣснь трубадура, переходившаго изъ замка въ замокъ и вездѣ воспѣвавшаго одно чувство, одинъ родъ любви, замѣняла для женщины того времени очень многое. Она доносила до женскаго слуха и дорогое для него